

Глава 25. Неземная красавица

Цан Доушань передвигался короткими перебежками: то шёл пешком, то летел на своём чайнике. Пока он не достиг двуединой сферы Черной Рыбы, управлять Чайником, Вмещающим Небеса, было чертовски трудно — за один раз удавалось пролететь от силы три ли. После каждого такого броска приходилось по меньшей мере час восстанавливать истощённые духовные силы.

Проплутав по Плотине Шаньцзы четыре дня, он наконец завидел водопад, в котором когда-то обустроил свою обитель. Посреди бушующего потока высилась огромная скала, острая спереди и широкая у основания — точь-в-точь исполинский топор, пронзивший гору насквозь. Его иссиня-чёрное, отполированное водой лезвие выступало прямо из пенной стены. За минувшие века поток изрядно источил камень, уменьшив его почти наполовину, но очертания грозного оружия всё ещё легко угадывались.

Сама пещера располагалась чуть выше лезвия. Задумка была проста и смертоносна: прыгая в водопад, нужно было либо мгновенно нырнуть в расщелину обители, либо успеть вырваться из струй. Иначе яростный напор воды неминуемо швырнёт тебя прямо на каменное острие, которое без труда рассечёт плоть надвое.

В былые времена, обустроивая это убежище, он страшно гордился собой. Ему казалось, что он гениально подчинил себе саму природу.

«До чего же я был умён!» — восхищался он тогда.

Теперь же ему хотелось просто влить самому себе сочную пощёчину.

Но как ни крути, пробовать придётся. Обитель на Плотине Шаньцзы была ближе всего к округу Вэньцзинь. К тому же там хранился весьма необычный артефакт, который наверняка заинтересует преследователей, включая Ми Цзо.

Для начала Цан Доушань остановился в ближайшей деревушке, чтобы перевести дух и поскорее вернуть былую форму.

Пока он восстанавливал силы, среди местных жителей началось странное оживление. Повсюду шептались и судачили. Один из охотников божился, что за перевалом объявились важные столичные чины. Мол, и кони под ними породистые, украшенные в золото, и стража — богатыри как на подбор. А кое-кто даже клялся, что узрел саму хозяйку поезда — девушку такой неземной красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Отрезанные от мира горцы, никогда не видевшие ничего, кроме тайги и мотыг, загорелись нетерпением. Им безумно хотелось поглазеть на диковину, но страх перед свирепой охраной охлаждал пыл. В деревне без умолку спорили, стоит ли соваться к господам.

Цан Доушань оставался глух к этим толкам. На своём веку в услужении у госпожи Цинхэ он перевидал столько благородных девиц и утончённых красавиц, что давно сбился со счёта. С иными даже водил знакомство, мимоходом обмениваясь светскими любезностями. Насмотревшись на разодетых прелестниц, он заработал стойкое пресыщение чужой красотой.

Вернув былую бодрость, ранним утром он взобрался на старую сосну, чья раскидистая ветвь нависала прямо над бездной. Внизу, скрытая плотной пеленой клубящегося тумана, с оглушительным рёвом неслась река.

«Владычица Сихэ, упаси», — беззвучно прошептал Цан Доушань и ринулся в пустоту.

Бешеный, ледяной поток принял его в свои объятия мгновенно. Вода закрутила его волчком, швыряя из стороны в сторону и лишая ориентации. Земля и небо смешались, пока он стремительно падал вниз.

«Три! Два!..»

Цан Доушань резко раскинул руки. Вспышка духовной силы заставила бушующий поток на долю секунды расступиться. Пользуясь этим мигом, он скользнул в Небеса внутри чайника и изо всех сил толкнул артефакт вперёд, прямо сквозь глухую водяную стену. Чайник, Вмещающий Небеса, служил надёжным щитом — даже если их швырнёт на каменное лезвие, скорлупа сосуда выдержит любой удар.

Он почувствовал, как Чайник послушно устремился к цели, преодолевая сопротивление, но в следующее мгновение колоссальная тяжесть обрушилась сверху. Беспощадный напор воды буквально расплющил его волку. Артефакт полетел вниз. Глухой удар — и всё погрузилось в безумную круговерть.

Слишком мало времени. Выбравшись из артефакта, Цан Доушань чуть не лишился опоры — бешеное течение едва не сбilo его с ног.

— Ладно, не впервой. Попробуем ещё, — пробормотал он под нос.

Подобрав чайник, он упрямо пошёл к берегу.

Сначала прыжок, потом переход в артефакт... Нет, этот трюк требовал безупречного расчёта, времени не хватало катастрофически. А если залезть внутрь ещё на дереве? Не пойдёт. Управление вслепую сожрёт слишком много духовных сил, и Чайник камнем рухнет в бездну.

Размышляя на ходу, он перебирал в голове один вариант за другим. С такими темпами на поиски верного решения мог уйти целый месяц.

Озабоченный этими мыслями, он вернулся в избу. Трое хозяйских ребяташек как раз прыгали

во дворе, чертя прутиком классики на истоптанной земле. Завидев гостя, промокшего до костей, они дружно прыснули со смеху. Цан Доушань и бровью не повёл. Оглядевшись по сторонам и не найдя хозяина, он спросил:

— А где ваш отец?

Младший, шепелявя и шмыгая носом, звонко пискнул:

— Потопал на фею зырить! — после чего без всякой причины покатился со смеху, зажимая рот ладошкой.

Цан Доушань лишь хмыкнул и зашагал к крыльцу, но мелкотня тут же облепила его со всех сторон.

— Дяденька, дяденька! А у тебя гостинцы остались?

— Всё съел, — бросил он на ходу.

«Даже если бы и осталось что, вам не видать. Самому зубы на полку класть пора».

— Врёшь! — насупился старший. — Я сам видел, сколько у тебя добра припрятано!

— Хотите сладостей — несите серебро, — ухмыльнулся Цан Доушань.

С этими словами он захлопнул за собой дверь. Обиженная детвора, поворчав для приличия, убралась восвояси доигрывать в свои классики.

Весь следующий день Цан Доушань провёл у реки. Раз за разом духовные силы иссякали, и яростный поток швырял его вниз, на острые камни. Он совершил десяток заходов, не меньше сотни раз призвал на помощь имя владычицы Сихэ и в конце концов одолел стихию. Одна из попыток увенчалась триумфом.

Узкий карниз перед входом в обитель зарос мокрым мхом и сочился влагой. Цан Доушань попытался идти, бережно прощупывая ногами почву, но быстро понял, что рискует сорваться в бездну. Бросив тщетные попытки сохранить лицо, он опустился на четвереньки и попластунски пополз к тёмному зеву пещеры. Зрелище, конечно, вышло жалкое, но какая разница? Свидетелей всё равно не наблюдалось.

Чтобы отворить каменную плиту, закрывавшую вход, требовался изрядный запас сил. Но сейчас его дантянь был пуст, точно вычерпанный колодец. Счистив ладонью склизкую зелень с плитняка, он устало привалился к стене.

Грохот падающей воды стоял невообразимый. Мелкая, как пыль, взвесь висела в воздухе, оседая на одежде холодным бисером. Укрыться от этой вечной сырости было невозможно. Ледяной туман пробирал до костей.

Дрожа от холода под непрекращающейся водяной завесой, Цан Доушань в сотый раз проклял былую изобретательность и мысленно пообещал придушить себя прежнего, доведись им встретиться в одной жизни.

Прислонившись к каменным воротам, он провёл за медитацией добрую половину дня, но с горечью обнаружил, что местный духовный фон напрочь подавлен. Силы восстанавливались черепашьям шагом. С такой скоростью ему придётся мариноваться в ледяной сырости не меньше трёх дней, прежде чем он сможет сдвинуть плиту.

И эту проклятую защиту, глушащую всякую магию, он тоже спроектировал самолично!

Беда, как известно, не приходит одна. Обречённо вздохнув, Цан Доушань смирился с неизбежным и погрузился в созерцание.

Время потеряло значение. Внезапно сквозь пелену транса он ощутил, как по ущелью пронёсся мощный импульс чужой воли. Невидимый взор скользнул по скалам и мгновенно засёк его ауру.

Кто-то безошибочно «разглядел» его сквозь сплошную стену воды.

Цан Доушань мгновенно очнулся. Тело напряглось, как натянутая тетива. Крепко сжав в пальцах Чайник, Вмещающий Небеса, он приготовился продать свою жизнь как можно дороже.

Чайник отозвался, испустив мягкое лазурное сияние. На мгновение показалось, что даже грохот стихии отступил на задний план.

Внезапно стена водопада взорвалась фонтаном брызг. Из водяного хаоса соткалась исполинская длань, отливающая расплавленным золотом. Она бесцеремонно сгребла Цан Доушаня в охапку. Не в силах сопротивляться этой колоссальной мощи, он лишь крепко зажмурился, пока его тащило сквозь ревущие струи, и в следующее мгновение рухнул на сухой берег, залитый ярким солнцем.

— О, господин, наконец-то вы соизволили вылезти!

Цан Доушань яростно отплевался, стёр с лица воду и едва не сорвался на крик:

— Вэйшэн?! Какого чёрта ты тут делаешь?

Тот расплылся в довольной ухмылке:

— Как «что»? Тебя спасаю!

Цан Доушань готов был сквозь землю провалиться от стыда.

Разумеется, Вэйшэн явился не один. На берегу у водопада яблоку негде было упасть: тут теснились и разинувшие рты деревенские зеваки, и закованные в латы гвардейцы, и суровые практики с мечами за плечами. И вся эта орава, задрав головы, во все глаза пялилась на его позорное пленение золотой дланью.

«И откуда, блядь, вас тут столько нарисовалось?!»

Золотые пальцы разжались, бережно опустив его на гальку. Цан Доушань застыл, чувствуя, как внутри всё выгорает от стыда.

Вэйшэн, радостно шлёпая по мелководью, подскочил ближе:

— Ох, живой! Ну как ты, не ушибся?

— Живой... — бесцветным голосом отозвался Цан Доушань. Душевная усталость навалилась свинцовой плитой.

Вэйшэн понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Да ладно тебе, не дуйся! Я ж извёлся весь от беспокойства, вот и кинулся следом. А за Обитель Бессмертного Чайника не переживай, я Ху Лэ за главного оставил. Всё под контролем!

Услышав это, Цан Доушань похолодел. Теперь он волновался так, что поджимались пальцы на ногах. С трудом сдержав стон, он с силой потёр лицо ладонями и кивнул в сторону вооружённых людей:

— А эти-то... Откуда здесь эта армия?

Вэйшэн мазнул взглядом по толпе и тут же развернулся назад:

— О, а вот и хозяйка банкета. Легка на помине.

Цан Доушань невольно обернулся.

Из толпы в сопровождении стайки служанок выплывала юная дева. Там, где бурлила и пенилась речная быстрина, вода под её ступнями словно замирала. Девушка аккуратно придерживала подол длинного платья, ступая по речной глади так же легко и непринуждённо, словно прогуливалась по мощёной дорожке ухоженного сада.

Цан Доушань, искушённый ценитель женской красоты, выдавший немало избалованных аристократок, замер в невольном восхищении. Грация этой незнакомки превосходила всё, что ему доводилось лицезреть прежде. Никакой вычурности, никакого жеманства — чистая, струящаяся лёгкость и безупречное благородство манер.

Каждое её движение завораживало, но когда он разглядел её лицо, у него перехватило дыхание. То была чистая, незамутнённая прелесть юности, перед которой любые поэтические восторги из старых книг казались блёклыми и фальшивыми. На мгновение Цан Доушань потерял связь с реальностью.

Она ослепляла. Он не мог заставить себя отвернуться, остро чувствуя, насколько сам он сейчас грязен, жалок и ничтожен в своём мокром рубище перед этим неземным созданием.

— Поскромнее, господин, не роняйте достоинство, — невозмутимо шепнул Вэйшэн, дружески похлопав его по плечу. — Перестаньте так откровенно пялиться. Берите пример с меня: холодность и полное равнодушие.

Цан Доушань с усилием отвёл взгляд и сквозь зубы процедил:

— Как ты умудрился её раззадорить?

Вэйшэн тут же соорудил самую невинную гримасу:

— Да я-то тут при чём? Я просто бегал по округе и во всю глотку звал тебя по имени. Кто ж знал, что на этот ор примчится целая армия во главе с этой девицей? Я сам в шоке!

Пока они перешёптывались, незнакомка подошла вплотную.

— Так ты и есть Цан Доушань? — поинтересовалась она, с любопытством разглядывая его.

— Да, это я, — Цан Доушань поспешил вежливо поклониться. — Низжайше прошу простить, если моя скромная особа невольно потревожила покой столь благородной госпожи. Я лишь практиковался в уединении.

— Ничего страшного, — она приветливо улыбнулась.

Выпрямившись, Цан Доушань краем глаза уловил этот мимолётный жест, и в груди у него

сладко ёкнуло.

«Если буду и дальше так паяться, точно жизнь себе укорочу», — мелькнуло в голове.

Он поспешно отвёл глаза, разглядывая то листву под ногами, то облака над головой — лишь бы не встречаться с ней взглядом.

— Скажите, а кем вы приходите друг другу? — с живым любопытством спросила незнакомка.
— Я заметила, что он зовёт тебя то просто по имени, то величает молодым господином. Разве слуге позволительно обращаться к хозяину столь вольно?

— Мы партнёры по делу. Держим Обитель Бессмертного Чайника, — пояснил Цан Доушань. — Он — старший приказчик, а я — младший.

Вэйшэн тут же закивал, подхватывая нить:

— Всё верно! Он у нас за мастера — руками работает, а я на кассе сижу да счёта сверяю. А «господином» я его кличу за несносный нрав — больно уж он привередлив, чисто капризный барчук!

Цан Доушань мысленно пообещал вырвать шутнику язык и наградил его тяжёлым взглядом.

— Что ж, пойдёмте, — предложила дева. — Здесь сыро и шумно, у воды разговаривать не с руки. Давайте выберемся на берег.

Цан Доушаню страсть как не хотелось бросать пещеру, но спорить было глупо, и он покорно последовал за ней.

Тем временем стража и практики быстро разогнали местных зевак. Прелестные, как весенние цветы, служанки расторопно расставили на траве изящную мебель. На столе мигом появились восемь расписных тарелочек с диковинными сладостями и свежими фруктами, а также три пиалы с ароматным красным чаем. Над головами раскинули огромный шёлковый навес, укрыв гостей от полуденного зноя.

Хозяйка радушно предложила им угощаться и принялась негромко рассказывать о поданных лакомствах — у каждого пирожного было своё изысканное, поэтичное название. Цан Доушань безразлично жевал сладости, погружённый в невесёлые думы, а вот Вэйшэн времени даром не терял. Он так легко и непринуждённо развязал язык, что девица очень скоро начала весело хихикать, то и дело прикрывая рот изящным шёлковым рукавом. Его простота и полное отсутствие чинопочитания явно пришлись ей по душе.

Пару раз Вэйшэн закинул удочку насчёт её имени и происхождения, но девушка всякий раз мягко и изящно уходила от прямых ответов. Поняв, что хитростью её не взять, парень проявил

благоразумие и не стал настаивать. Вместо этого он увлечённо заговорил о местных чудесах Плотины Шаньцзы.

Он расписывал прелести знаменитой «медовой лозы» — удивительного растения, что цепляется за вершины круч Плотины Шаньцзы и спускается плетями до самого дна ущелий. Если перерубить такой стебель, из него ручьём течёт сладкий сок — с одной ветки можно собрать ведра два густой жижи. И чем древнее, толще лоза, тем слаще и ароматнее её нектар.

Цан Доушань слушал эту болтовню краем уха, пока случайно не заметил одну деталь. Вэйшэн преспокойно, без тени смущения, смотрел девушке прямо в лицо.

Они вели беседу глаза в глаза, как старые знакомые.

«И этот паршивец только что читал мне нотации о скромности?!»

<http://bllate.org/book/18329/1863110>